

РОМАН СОПOTOB

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

★ ПОЛЮС-1 ★

БЛАГНИЕ НАМЕРЕНИЯ

ПРЕДЫСТОРИЯ «ПОЛЮС-1»

Полюс — 1

Роман Сопотов

**Благие намерения:
предыстория «Полюс-1»**

«Автор»

2026

Сопотов Р.

Благие намерения: предыстория «Полюс-1» / Р. Сопотов —
«Автор», 2026 — (Полюс — 1)

Июнь 1991 года. Опергруппа сопровождает учёных в закрытый НИИ
«Полюс-1» в мёртвом городе Снежногорск, где три месяца назад произошла
катастрофа...Участник конкурса сайта Jaaj.Club «Sci-Fi 2026».

© Сопотов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

РАССКАЗ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Роман Сопотов

Благие намерения: предыстория «Полюс-1»

РАССКАЗ

Кольский полуостров, трасса на Снежногорск

17 июня 1991 года, 09:17

Два армейских «Урала» с усиленной бронёй кабины и кузова шли на север. Только начавший таять снег был покрыт ледяной коркой и лежал на обочинах грязными проплешинами, свинцовые блюда озёр отражали низкое, белёсое небо. За Полярным кругом июнь не чувствовался — изо рта шёл пар, хотя отопление в кабинах работало на пределе.

В головной машине, в кабине, сидели трое. Водитель — немолодой сержант с красными от хронического недосыпа глазами — крутил баранку молча, не отрывая взгляда от серой ленты асфальта. Рядом, на пассажирском, устроился Михеев. На заднем сиденье, привалившись к вибрирующей дверце, сидел Яцев. Палец лежал на спусковой скобе, глаза сканировали горизонт. В кузове этой машины тряслись десять бойцов группы прикрытия — Рогов, Кузнецов, Ковальчук и остальные — стиснув оружие и слушая треск помех в динамиках портативных раций. Окон в кузове не было — только брезентовый тент и стальные борта. Мир снаружи они воспринимали лишь по толчкам рессор, вою двигателя и редким командам, пробивавшимся сквозь шипение эфира.

Во второй машине, в кабине, тоже было тесно. За рулём — такой же молчаливый водитель. Рядом с ним — Вихрова. Прямая, как штык. Она смотрела вперёд, изредка касаясь кнопки рации. Сзади, на откидном сиденье, поместились двое: Игатов и Ковалевская. Физик щурился сквозь заляпанные очки, листая на коленях потрёпанный блокнот с формулами — пальцы мелко дрожали в такт вибрации. Ковалевская сидела рядом, прижимая к груди полевую сумку. Форма, выданная в Архангельске, сидела на ней ладно. От ткани пахло складской пропиткой, но собственный запах хлорки, вьёвшийся в волосы после спецблока, всё равно пробивался. Тошнота, начавшаяся ещё у моста, не проходила — только нарастала, подкатывая к горлу тугим ледяным комом.

Снежногорск возник внезапно. Сопки расступились, и дорога нырнула в серую кирпичную пасть пятиэтажек.

Это был мёртвый город. Улицы стояли пустые и неестественно чистые, словно кто-то прошёлся по ним гигантской метлой, убрав весь мусор, обломки, следы паники. Окна жилых домов зияли чёрными провалами — стёкла лежали на асфальте, все до единого выдавлены наружу, будто изнутри квартир что-то ударило с чудовищной силой. Машины стояли у обочин с распахнутыми дверцами, внутри — ни людей, ни следов борьбы, ни пятен крови. И запах. Сладковатый, резкий, металлический — озон после грозы, но тяжелее. Гуще.

Яцев подался вперёд, вглядываясь в пустые перекрёстки.

— Сбрасываем скорость. Идём на первой. Без команды не высовываться.

Михеев перехватил автомат и хмуро уставился в боковое окно:

— Даже птиц нет...

— Птицы — полбеды, — негромко отозвался Яцев, — А вот люд...

И тут затрещали счётчики Гейгера, прервав лейтенанта на полуслове.

В кузове головной машины первым ожил прибор у Рогова. Он сидел у борта, привалившись к пулемёту, и вдруг выпрямился, услышав, как его дозиметр разразился частой, захлёбывающейся дробью. Взглянул на шкалу — двести десять микрорентген. У Кузнецова, сидевшего напротив, прибор молчал, лишь редкие одиночные щелчки. Тот недоумённо постучал по корпусу — почти ноль. У Ковальчука стрелка ползла к ста шестидесяти и медленно опускалась.

В кабине Яцев нажал тангенту рации:

— «Стрела» базе. У меня прибор скачет — сорок, восемьдесят, сто девяносто. Что у остальных?

Из динамика, сквозь треск, донеслись дозоры. У Рогова — двести десять, красная зона. У Кузнецова — почти ноль, редкие щелчки. У Ковальчука — сто шестьдесят.

Во второй машине картина была не лучше. Вихрова сверилась с прибором:

— У меня сто ровно. Бережной — сто двадцать. Михеев...

— Двести сорок! — прохрипел в динамике голос прапорщика. — И растёт.

— Отставить панику, — резко оборвала Вихрова и, обернувшись к Игатову, спросила уже без рации: — Капитан, что с вашим?

Игатов смотрел на свой дозиметр. Девяносто. Девяносто пять. Сто. Стрелка ползла вверх плавно, без скачков. Он перевёл взгляд на Ковалевскую. Её прибор, пристёгнутый к поясу, показывал пятнадцать и не двигался. Глаза учёной были широко раскрыты — она тоже видела цифры.

Игатов поднёс ко рту рацию:

— Это не радиация. Счётчик Гейгера работает на высоком напряжении. Если здесь надорвано пространство или создана мощная электромагнитная аномалия — она пробивает контуры приборов. Прибор искрит сам по себе от внешнего поля.

— По ночам светиться не будем, значит? — уточнил Яцев. Голос в динамике звучал напряжённо, но спокойно.

Вмешалась Ковалевская. Она взяла рацию, висевшую у неё на поясе, нажала тангенту — в кабине это было неудобно, но справилась:

— Товарищ старший лейтенант, объект, которого мы вскрывали в Москве... рабочий. При фоне в двести рентген у него должен был быть разрушен костный мозг, внутренние кровотечения. А у него клетки были целы. Если бы эти цифры означали обычную радиацию, люди здесь умирали бы за недели. А они мутируют и становятся сильнее. То, что трещит в дозиметрах — не радиационный фон. Или не только он.

В кузове головной машины Рогов переглянулся с Кузнецовым. Ковальчук выругался сквозь зубы и зачем-то проверил предохранитель.

Яцев снова нажал тангенту — теперь на внутренней частоте для связи со своими бойцами в кузове:

— Значит на цифры дозиметров не смотрим, панику отставить. Приборы не выключать. Слушать треск. Начинает частить и зашкаливать — значит, аномалия сильнее. Используем как щупы. Всем ясно?

— Так точно, — отозвались из динамиков три голоса.

Ковалевская в кабине второй машины достала из полевой сумки потрепанный блокнот, привычным движением вынула карандаш из петельки. Открыла чистую страницу. Почерк у неё был мелкий, убогий — выработанная годами привычка ведения лабораторных журналов.

«17 июня, 09:47. Снежногорск. Показания дозиметров — хаотичный разброс. У Игатова — 90 и растёт. У меня — 15. Природа неясна. Возможно, локальные микрополя или сбой восприятия аномалии».

Она оторвалась от записей и снова посмотрела на пустую дорогу. Тошнота не прошла, но теперь у неё было привычное занятие — фиксировать, описывать, систематизировать. Наука

была её единственным щитом: она превращала неведомое в сухие данные, хаос — в аккуратные таблицы, а первобытный ужас — в рабочие гипотезы.

«09:52. Центр. Видимых разрушений нет. Стёкла во всех домах выбиты изнутри, словно от избыточного давления. Тел не наблюдается..»

Она остановилась, перечитала последнюю фразу. «Тел не наблюдается». Сухая формулировка, за которой стояло то, что она отказывалась осознавать до конца. Зачеркнула резким движением и написала ниже:

«Людей нет».

Закрыла блокнот и заставила себя дышать ровно, глубоко втягивая холодный воздух. Игатов покосился на её записи, увидел аккуратные столбики цифр и чуть заметно кивнул, одобряя профессионализм. Ковалевская этого не заметила.

Город кончился так же внезапно, как начался. Последние серые коробки пятиэтажек расступились, и впереди открылась прямая бетонка, ведущая к станции. Там, на фоне низкого бесцветного неба, уже темнел приземистый массив НИИ «Полюс-1».

Яцев поднял рацию:

— Приехали. Дальше моя группа идёт пешком.

Колонна замерла на границе мёртвого города. Счётчики замолкли. Тишина ударила по ушам — не та, что бывает в пустых местах, а иная: глухая, вязкая, как вата. Она давила на перепонки, заставляя прислушиваться к прерывистому дыханию.

Лейтенант выпрыгнул из кабины, привычно беря сектор под прицел. За ним — Михеев. Из второй машины вышли Вихрова, Игатов и Ковалевская. Бойцы последовали за ними.

Дорога от Снежногорска была прямой, как стрела. Приземистая коробка НИИ из серого бетона темнела впереди, мрачно выделяясь даже на фоне бесцветного неба. Чем ближе подходила группа, тем яснее проступали детали: выбитые наружу окна, оплавленные края стен, копоть на фасаде. У главного входа громоздились строительные леса, рядом — поддоны с кирпичом и мешками цемента. НИИ спешно расширяли прямо перед аварией.

Яцев поднял сжатый кулак. Передовая четвёрка замерла метрах в тридцати от входа, поведя стволами по окнам. Тишина стояла глухая, вязкая — она давила на перепонки, заставляя прислушиваться к собственному дыханию.

Он поднёс ко рту микрофон рации:

— «Стрела» базе. Мы на месте. Начинаем осмотр.

Голос Вихровой пробился сквозь треск помех:

— База на связи. Докладывайте.

Пространство перед зданием когда-то было парковкой — теперь бетонное поле в трещинах, из которых пробивалась жухлая трава. Чуть левее темнел армейский «Урал» с брезентовым тентом — целый, только краска пошла пузырями, а лобовое стекло покрывала паутина трещин.

Яцев подошёл ближе, заглянул в кабину. На водительском сиденье темнел человеческий силуэт, намертво впечатанный в ткань обивки. Голова повернута к станции, рука вскинута к лицу — словно человек пытался прикрыть глаза от нестерпимо яркой вспышки.

— Грузовик охранения, — негромко произнёс он в рацию. — Внутри след на сиденье. Как в Хиросиме.

— Принято. Продолжайте.

Он отвёл взгляд — и на границе зрения что-то шевельнулось под кузовом. Яцев резко обернулся, вскинув автомат. Ничего. Только чёрная взвесь кружилась над выжженной тенью водителя — тонкая, как угольная пыльца, совершенно беззвучная. Он выдохнул и разжал побелевшие пальцы.

С каждым шагом таких следов становилось больше. На бетонном ограждении темнели два силуэта: один стоял, подняв руку к глазам, второй позади — наклонившись, будто спо-

ткнулся. У самого входа — три скрюченные фигуры. Люди упали и испарились мгновенно, оставив лишь чёрные отпечатки, выжженные в ткани реальности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.